

Колдовские *Миры*

ГАЛИНЫ ГОНЧАРОВОЙ

ГАЛИНА ГОНЧАРОВА

ОТРАЖЕНИЕ
Зеркало любви

Москва

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г65

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саукова

Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

Гончарова, Галина Дмитриевна.

Г65 Отражение. Зеркало любви / Галина Гончарова. —
Москва : Эксмо, 2019. — 480 с. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-04-106119-7

Это у вас войны, заговоры и прочие развлечения, господа мужчины. Но это — ваши личные трудности. А у девушек задача какая?

Выйти замуж. По любви и за хорошего мужчину. Только вот как его найти? Или он уже сам нашелся? Правда, в другом мире. И что теперь с этим делать? У Марии-Элены своя любовь, у Матильды своя, и обе умудрились влюбиться не по месту прописки. И с этой самой любовью сестры совершенно не обращают внимания ни на завистников, ни на грозящие им опасности. Они же вместе! Неужели не справятся?

Или справятся — но какой ценой?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гончарова Г.Д., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-106119-7

Что вы судом зовете? Неужели
Никто из вас другому, втайне, зла
Не пожелал? — Неужто вы сумели
Так сделать, чтоб вся жизнь была светла?
Когда же нет, — а это нет, наверно, —
Как можете желать убийства вы?
Негодваньё ваше лицемерно,
И, ежели вы сердцем не мертвы,
Поймете вы, что истина в прощеньё,
В любви, не в злобе, и не в страшном мщеньё.

Перси Биши Шелли.

Поэма «Возмущение Ислама»

Глава 1

Матильда Домашкина

— Встать, суд идет!

Те же стены, та же судья, те же ненавидящие взгляды тети Параши.

Мамочка так и не явилась. Да и черт бы с ней, не жалко.

Матильда привычно уступила управление Марии-Элене, чтобы не сорваться, и принялась вслушиваться в юридический суржик.

И как люди в этом разбираются?

Ладно... сама она тоже кое-чего нахваталась. Но сделать это профессией? И постоянно зарабатывать деньги языком?

Нереально.

Честное слово, не просто так Перри Мейсон стал знаменитостью.

Но тут убийство не обсуждалось. Все проще.

Любимая матушка требовала признать завещание недействительным и вернуть ей все добро (три магнитофона, три кинокамеры заграничных, три портсигара отечественных, куртка замшевая... три... куртки). А если уж добро не вернут, то хоть алименты слупить с неблагодарной дочери.

Малена протянула документы.

— Ваша честь, дарственные. И договор ренты. А вот это документ об эмансипации.

Вот тут был самый скользкий момент.

Об эмансипации никто не знал. Ни во дворе, ни среди друзей и знакомых, вообще никто. Оформляли-то втихорца, мало ли что?

А еще — эмансипация, как правило, проводится с согласия родителей. Или, при их отсутствии, по решению суда. Вот у Матильды и был второй вариант.

Но судья, видимо, прониклась ситуацией. Потому что не стала уточнять и расспрашивать. Просто проглядела документы, кивнула, мол, все по закону, и положила их на стол.

Малена перевела дух.

Было у нее подозрение, что судья просто не захотела подставлять коллегу, ведь если эмансипация через суд незаконна, то и решение принято неверно, и пошла виться ниточка. А это плохо. Это компромат.

Кому вообще оно надо? И ради кого?

Ради Марии Домашкиной? Уже смешно.

Но это-то по вопросу завещания.

Оставалось самое скользкое — алименты.

— Ваша честь, во-первых, моя мать замужем и у нее есть муж, который работает и содержит семью. Во-вторых, она сама работает. И в-третьих, моя мать никогда и ничем мне не помогала. Она не переводила ни копейки на мое содержание, она не приезжала, не появлялась, она просто родила меня и бросила. Я отказываюсь платить ей алименты. И у меня есть доказательства и свидетели всего вышесказанного.

Может, и коряво сформулировано, но...

Судья кивнула.

Прасковья Ивановна поднялась в ответ.

— Вот, ваша честь.

Справка из больницы, что Мария Домашкина является инвалидом третьей группы. Причина — отсутствие ми-

зинца на правой руке. Ампутация конечности вследствие обморожения. Ни убавить ни прибавить.

Кажется, судье тоже понравилось.

Она посмотрела справку о страшном заболевании и поинтересовалась, где работает больная. Или не работает?

Оказалось, работает. Уборщицей, директор-то уже есть. И конечно, испытывает нужду, голод и страдания.

Справка с места работы?

Эм-м-м... ее нет. Можем запросить к следующему разу. Но зарплата — одни слезы. Кошачьи.

Почему-то судье это не понравилось, и внимание вновь обратилось на Матильду. Что у вас есть еще? Предъявите.

Первой предъявилась тетя Варя. Под ненавидящим взглядом Прасковьи свет Ивановны она рассказала, что Мария Домашкина как уехала черт-те когда, так и не возвращалась. И не помогала.

Откуда она знает? Так ближайшие соседи, с одной площадки, вместе мелких поднимали, кто детей, кто внучку. И она готова поклясться чем хотите, ни словечка не было. Не говоря уж о финансовой помощи. Не потому ли и Майя, покойница, Паркинсоном заболела?

Поди внучку подними да за дочь переживай...

От остальных соседей были письменные заявления по всей форме, Матильда лично из интернета черновики скачивала. Никто, никто за последние пятнадцать лет Марию Домашкину в глаза не видел.

Судья вопросительно посмотрела на Прасковью Ивановну.

— Врут они все! Помогала Машка, я сама свидетельница...

Почему-то свидетельские показания не тронули сердце судьи. Женщина улыбнулась.

— Замечательно! Давайте!

— Что — давать?

— Выписки. Квитанции о почтовых переводах, какие-то подтверждения перечисления денег...

Вот с этим было плохо. Не имелось ничего. Ни выписок, ни квитанций — вообще ничего. Прасковья заявила, что деньги передавали из рук в руки, со знакомыми.

Судья попросила предъявить знакомых.

Прасковья Ивановна ударила себя в грудь. Мол, я — и есть та самая знакомая. Лично все передавала, правда, без свидетелей, только что при сыне. Он все подтвердить может! Даже два раза! Но кажется, ей не поверили.

Судья покачала головой. Поинтересовалась, где работает муж несчастной страдальцы Домашкиной. Оказалось — ночным сторожем, сутки через трое. Здоровье... что со здоровьем?

Ах, есть такая болезнь — «отсидел»? Ну да. Наряду с «перепил» и «воспалением лени».

Матильда тем временем представила справку о зарплате. И порадовалась, что Антон такой лапочка.

Есть такое у частников. Платить минималку с налогами, а остальное в конвертах.

Плохо? Черная зарплата? Пенсионный фонд предаст вас анафеме, а налоговая лично подожжет костер? Да и плевать!

Учитывая все пертурбации в мире, вы сами-то уверены, что через сорок лет до пенсии еще будет и кому поджигать, и вы будете, и страна? И пенсия будет нормальная после всех деноминаций? Может, и горько, но кто ж его знает?

А сейчас Матильда была счастлива.

Минимальный оклад позволял ей не умереть с голоду. Все.

Платить с него алименты не представлялось возможным.

Судья еще раз все проглядела, задала пару вопросов и отпустила всех.

— Суд удаляется на совещание.

В этот раз Прасковья Ивановна не лезла с разговорами. Это потому, что в суд Малена пришла с тетей Варей. А та... поди скажи хоть слово! Это тебе не Матильда, с ней ты не судишься! Если ее выведут за скандал — ей наплевать. А вот то, что и тебя с ней вытащат...

Прасковье надо было присутствовать в суде, а не сидеть в этот момент в обезьяннике. Так что она молчала, пока дверь опять не открылась и всех не позвали обратно.

Решение было простым.

Все притязания Марии Домашкиной признавались неправомочными и отклонялись.

Разом.

Ссылки на статьи, на кодекс, цитаты. Куча судебного сленга.

Тетя Варя захлопала в ладоши.

— Ура! Спасибо, ваша честь!

— Спасибо, ваша честь, — опомнилась Малена.

У нее с плеч словно камень свалился.

Да, мамаша может еще приезжать ругаться, подавать в суд, апелляцию, кассацию, обжалование, да хоть президенту писать — неважно. В первой инстанции Матильда дело выиграла, а переигрывать у нас суды очень не любят. С большой вероятностью если вы выигрываете первый раз, вы выигрываете и дальше. И наоборот — тоже.

— Да я... да мы губернатору напишем!!! — опомнилась тетя Паша.

Судья кивнула, разрешая писать хоть губернатору, хоть императору. Кому допишетесь.

Матильда еще раз поблагодарила и почти под руку с тетей Варей вышла на улицу. Ноги подкашивались.

И надо же такому статься?

Петюня!

* * *

Стоит довольный, хоть портрет пиши. А что?

Идеальный мужчина.

Низ — кроссовки. Потом идут растянутые треники цвета подгнившего баклажана, изящное пузцо пятьдесят последнего размера прикрывает майка-алкоголичка, поверх которой небрежно наброшен пиджак. Кожаный, конечно, а то ж!

В зубах — сигарета.

И улыбка на поросычем анфасе.

— Мотя! Привет, зайка! Ну что — довыдывалась? А вот надо было с нами дружить, и алименты мамашке платить бы не пришлось!

Твою дивизию!

Матильда даже ответить не успела — вмешалась тетя Варя.

— Ты чего это здесь расставился, паразит?

Отсутствие карающего веника у оппонента придало Петюне храбрости.

— А что? Хочу и стою!

— Я тебе постою, паразит! Штаны подтяни, а потом к девушкам лезь! А то мамон отрастил — хоть рожай! А туда же, постоять ему! Да тебе только что лежать — в мусорке! И тихо!

— Ты, старая ...!

Петюня шагнул вперед.

Дело происходило на пяточке прямо перед дверью, до асфальта четыре ступеньки, а крылечко-то узкое. Старая постройка, черный ход.

Матильда уже прикинула, как спихивать противника с лестницы, когда из здания суда вырвалась огнедышащая дама.

Тетя Параша летела так, что снесла бы хоть кого.

А дверь-то открывается наружу...

А Петюня как раз и подставился.

Любящая матушка так двинула чадушко дверь, что тот потерял равновесие, споткнулся о случайно выставленную ногу Матильды — и с трубным ревом супербилона в атаке покатился по ступенькам.

Кажется, неудачно.

— Ой! — сказала Матильда.

— Какой ужас! — поддержала тетя Варя.

— Петенька!!! — взвыла тетя Параша — и рванулась за сыном. Женщины едва посторониться успели. И — не удержались, задержались. Как не понаблюдать такую трагедию?

Петюня скулил. Он умудрился стукнуться головой, но это как раз не страшно, голова — это кость. Ей не больно.

А вот сломанная правая рука — уже трагедия. Вы знаете, как неудобно открывать бутылки с пивом левой рукой?

Вы не знаете?

Кошмар!

Матильда и тетя Варя переглянулись, пожали плечами — и удрали, пока тетя Параша не опомнилась. Мало ли что?

* * *

Уже дома, валяясь на диване с Бесей, девушки смотрели «Моя прекрасная леди» и болтали о своем. О женском.

— Думаешь, все обойдется?

— Думаю, что на пару недель душевного спокойствия мы можем рассчитывать, а потом на нас опять пойдут в атаку.

Малена хмыкнула.

— Опять подадут в суд?

— Не знаю. Но пакетик с перцем я в карман положу. На всякий случай.

— Думаешь?..

Малена не закончила фразу. Не хотелось думать о людях настолько плохо. А придется.

— Знаю. Бабушка говорила, что одинокая девушка с деньгами — искушение для любого подлеца. И даже если отобьешься от десятка, на их место придет сотня. Подлец ведь как рыбак, твердо уверен, что десять раз наживку не съедят, а на двенадцатый ему и повезет.

Малена только вздохнула.

— Она у тебя была мудрая.

— Да.

Матильде до сих пор было неприятно вспоминать. Больно.

Лучше было сосредоточиться на приключениях Элизы Дулитл. Она хорошая, с ней весело, и вообще — Бернард Шоу просто прелесть. Хотя сюжет и неправдоподобный.

Телефон пискнул совершенно неожиданно.

— Малена?

Этот голос девушка узнала мгновенно.

— Да. Здравствуйте, Ольга Викторовна.

— Добрый вечер. Малена, мне пришли результаты анализов.

— Да? И?!

Печальные мысли были отставлены в сторону. Потом, все потом.

— Можно с уверенностью сказать, что локон — вашего предка. Предположительно женщины.

— Интересно...

— Мой знакомый посмотрел еще и ленточку. Говорит, нечто подобное до революции еще делалось, так что локону лет сто точно есть. Может, чуть больше.

— И медальону тогда тоже.

— Да. Кто у вас мог носить инициалы И.И.Б.?

Матильда даже головой покачала.

— Ольга Викторовна, даже не представляю. Может, прапрадед? Если прадеду медальон достался от матери... а никто не сказал, что там была не Ирина Ивановна. Или Инесса Ильинична, к примеру.

— М-да. Ладно, будем копать.

— И нигде не сказано, что во время революции... сколько материальных ценностей тогда хозяев поменяло?

— Много. Малена, а у вас никаких семейных преданий не ходило — на другую тему? К примеру, в семье все врачи были или без высшего образования никого не было...

Матильда честно задумалась. Но кто ж в восемнадцать таким интересуется? Если бабушка что и говорила, все мимо ушей прошло. Вспоминать надо.

— Мне сложно сказать. Я попробую вспомнить, Ольга Викторовна.

— Кстати, а что сказал ювелир? — спохватилась женщина. — Я совсем забыла... закрутилась, уж простите.

— Сама грешна, — вздохнула Малена. — Он почистил при мне механизм и сказал, что медальону лет сто — сто двадцать. Не больше ста пятидесяти.

— Вот, в этом промежутке и будем копать. А клеймо ювелира он не узнал?

— Сказал, что пока не знает. Обещал посмотреть в справочниках, списаться с коллегами. Но это тоже не гарантия, по его словам, хм... революционеры больше всего любили раскулачивать ювелиров.

Ольга Викторовна тоже хмыкнула.

— Да, у бумаги есть один великий недостаток — она легко горит.

— И ни одного Воланда на горизонте, — поддержала шутку Матильда.

— Ладно. У нас есть анализ — родственники. У нас есть сто пятьдесят лет. Есть клеймо. Есть желание узнать истину, так что я буду копать. Мне интересно...

— Даже не представляю, как я буду вас благодарить?

— Ну, к примеру, позовешь в крестные к дочери, — пошутила Ольга Викторовна. — Пока не собираешься?

— Нет.